

Валерий Гречко

ЗАУМЬ И ГЛОССОЛАЛИЯ

Хотя заумь является прежде всего литературным феноменом, в то же время она, как и любой другой литературный текст, может рассматриваться и как одно из проявлений речевой деятельности. Рассмотрение зауми в этой перспективе представляет интерес потому, что в основе заумных текстов лежит весьма своеобразный тип вербальной активности. Если большинство литературных текстов используют в качестве основы какой-либо естественный язык, и таким образом он выступает для них в качестве общего нейтрального фона, над которым затем надстраиваются специфические для каждого литературного текста вторичные структуры, то в основе заумных текстов лежит тип вербальной активности, который Samarin (1969) называет *pseudo-language* и который характеризуется тем, что в нем "there is no semological structure with which the phonological structure is cotelated" (71).¹ Рассмотрение зауми в этом контексте позволяет, с одной стороны, говорить о ее особом месте среди литературных текстов, а с другой, наметить точки соприкосновения зауми с типами речевой активности, лежащими вне сферы литературы.

Наиболее близким зауми внелитературным проявлением речевой активности, также опирающимся на *pseudo-language*, является глоссолалия. Слово *глоссолалия* образовано сложением греческих слов *glossa* (язык) и *lalia* (от *laleo* – говорить), иногда употребляется синонимичная ему калька с греческого – языкоговорение. Несмотря на то, что упоминания глоссолалии можно найти в Деяниях Апостолов,² в настоящее время эта практика оставлена официальной христианской церковью и применяется лишь в различных сектах. Однако схожие феномены широко представлены в самых различных культурах и эпохах – от Дельфийской Пифии античной Греции, суфийских дервишей в мусульманских странах до традиции шаманизма, широким поясом охватывающей страны Евразии от Скандинавии до Кореи.

Все эти явления характеризуются общностью функции: они служат для коммуникации человека со сверхъестественными силами. Средства, употребляемые для ее осуществления, являются вербальными – в том смысле, что порождаемые "высказывания" состоят из членораздельных

звуков, в основе которых лежит фонетическая система какого-либо естественного языка. Однако на этом сходство глоссолалии с обычной речью заканчивается. Как отмечают Jakobson; Waugh (1979), использование звуковой системы здесь коренным образом отличается от принятого в естественном языке: в глоссолалии используются "speech sounds totally deprived of a sense-discriminative role throughout an entire pronouncement, but nonetheless destined for a certain kind of communication" (211). Таким образом здесь парадоксально соединяется стремление к коммуникации и одновременное отсутствие привычного для естественного языка механизма передачи значений, при котором фонемы формируются в единицы более высокого уровня (слова) и связываются с объектами внешнего мира.

Это отрицание характерного для естественного языка механизма связи означающего и означаемого, стремление к коммуникации без помощи конвенциональных знаков-слов сближает глоссолалию с заумью. Не случайно поэты-футуристы проявляли к глоссолалии и схожим явлениям повышенный интерес.³ Во многих своих манифестах и теоретических статьях они опираются на необычные формы речи с религиозной и мистической функцией (наряду с глоссолалией сюда можно отнести заклинания и заговоры) как на пример того, что изменение стандартного языка приводит к усиленному коммуникативному воздействию, оправдывая тем самым свою практику словотворчества.⁴ Таким образом, глоссолалия служила для футуристов своего рода историческим прецедентом, где в религиозной сфере уже на протяжении веков применяется форма коммуникации, которую они стремились теперь ввести в сферу литературы.

Наряду с тем, что формы религиозной речи выступали в роли своего рода идеологического обоснования для развиваемой футуристами концепции поэтического языка, они оказывали также и непосредственное влияние на их творчество. Здесь можно указать как на случаи прямого заимствования поэтами-футуристами материала народных заговоров, заклинаний, так и на общность структурных особенностей некоторых их поэтических произведений и глоссолалии.

Любопытный случай прямой цитации магических формул мы находим в драматическом фрагменте Хлебникова *Ночь в Галиции*. По свидетельству Якобсона, в декабре 1913 г. он пришел к Хлебникову со "специально подготовленным собранием выписок из разных сборников заклинаний – заумные и полузаумные" (цит. по: Янгфельдт 1991: 249). Одним из основных источников этих выписок служил сборник И.П. Сахарова, содержащий, среди прочего, собрание народных заговоров и заклинаний (*Сказания русского народа*, СПб. 1841). "Хлебников стал немедленно все это рассматривать и вскоре использовал эти выписки в поэме *Ночь в Галиции*" (Янгфельдт 1991: 249–250). То ли с целью пародирования, то ли для оправдания

употребляемой им зауми, Хлебников прибегает здесь к своеобразному смещению временной и причинно-следственной последовательности, заставляя русалок в своем стихотворении читать из сборника Сахарова:

Русалки (держат в руке учебник Сахарова и поют по нему):

.....

Руахадо, рындо, рындо.

Шоно, шоно, шоно.

Пинцо, пинцо, пинцо.

Пац, пац, пац.

(II: 200–201)

Особо близкие отношения с глоссолалией обнаруживает "язык богов" Хлебникова. Наиболее яркие примеры этого типа заумного дискурса мы встречаем в *Ка* (IV: 47–70) и в одноактовой пьесе *Богов* (V: 259–267), которая полностью построена на использовании этого языка (часть этой пьесы позднее была включена в *Зангези*). О родстве с глоссолалией свидетельствуют не только значительные структурные общности, но и само название "язык богов", реферирующие к сфере религиозно-мистического дискурса. Этот тип зауми во многом отличается от других приемов, применяемых Хлебниковым. Прежде всего, употребляемые здесь заумные словообразования в наименьшей степени поддаются семантическому толкованию. Если большинство неологизмов Хлебникова сохраняют некоторую связь со словами естественного языка, или хотя бы содержат распознаваемые грамматические морфемы, что дает почву для их интерпретации, то это едва ли возможно в случае "языка богов", где новообразования обладают лишь фонетическим значением и практически полностью лишены референциальных связей. Обычно в тех случаях, где заумные неологизмы Хлебникова с трудом поддаются расшифровке, он снабжает их разъяснениями в виде глоссариев: так, системы "звездного языка" и звукописи становятся вполне интеллигибельными благодаря "переводам" с заумного языка, которые можно найти в теоретических статьях Хлебникова или в его стихотворных текстах. Очевидно, что Хлебников не только сам рассматривал свои произведения как несущие определенный смысл, но и был серьезно озабочен тем, чтобы этот смысл дошел до читателя. В этом можно видеть еще одно свидетельство многократно отмечавшегося исследователями внимания Хлебникова к семантике: "Вся суть его теории в том, что он перенес в поэзии центр тяжести с вопросов о звучании на вопрос о смысле" (Тынянов 1928: 25).

В отличие от этого, фрагменты, написанные на "языке богов", не только лишены связей с семантикой естественного языка, но и не содержат

ключей к своей расшифровке. Очевидно, что для поэта здесь речь идет о значении, которое принципиально не может быть выражено с помощью словесных символов, усвоенного при посредстве сознания. По мысли Хлебникова, это влияние непонятого слова непосредственно на подсознательные слои психики является чертой, объединяющей заумь и религиозно-мистические формы речи: "Если различать в душе правительство рассудка и бурный народ чувств, то заговоры и заумный язык есть обращение через голову правительства прямо к народу чувств, прямой клич к сумеркам души..." (V: 225). Непонятность, принципиальная невозможность постичь смысл высказываний характеризует и отношение участников религиозной практики к глоссолалии, см. типичные ответы на просьбу объяснить смысл того или иного слова: "не твоего ума", "не от своего ума" (Jakobson; Waugh 1979: 213).

Однако эта непонятность не означает отсутствие смысла или коммуникативного намерения. Интересной особенностью употребления Хлебниковым "языка богов" является то, что он используется исключительно в диалогических фрагментах (в качестве участников этих диалогов выступают, однако, не люди, а боги), что ясно маркирует его коммуникативную направленность. Таким образом, употребление "языка богов" в некотором смысле мотивируется тем, что на нем говорят персонажи, не говорящие на человеческом языке, однако подчеркивается, что это все же язык, на котором они ведут коммуникацию.⁵

Несмотря на то, что в "языке богов" не удастся проследить связей со смысловесущими элементами естественного языка, в результате чего соответствующие стихотворные фрагменты первоначально производят впечатление бессистемности, они не являются просто случайно построенными сериями звуков, а имеют ряд хорошо различимых структурных закономерностей. Рассмотрим в качестве примера реплику Велеса из *Зангези*:

Велес: Бруву ру ру ру ру!
                  Пице цане сэ сэ сэ!
                  Бруву руру ру-ру-ру!
                  Сици, лици ци-ци-ци!
                  Пенчь, панчь, пеньчь!

(III: 320)

Во-первых, отметим, что данный фрагмент организован метрически: первые четыре строки написаны хореем. Несколько отличается от них пятая заключительная строка, в которой все слоги ударны, однако и ее можно считать вариантом хорейного размера: три ударных слога произносятся с явственными паузами после каждого из них, что в структурном отношении эквивалентно отсутствующим безударным слогам.⁶ Наличие

восклицательного знака, заключающего каждую строку, указывает на то, что реплика Велеса состоит из нескольких фраз равной длины (величиной в одну строку). В первых четырех строках строение слогов исключительно единообразно – все слоги открыты и за небольшим исключением имеют вид CV, а вторая половина каждой строки содержит повторение одного и того же слога. Заключительная строка и в этом отношении составляет исключение – здесь слоги закрыты и заканчиваются на кластер согласных *-нчь*.

Как отмечает Vroon (1982), эти особенности организации стихотворного текста, где Хлебников использует свой "язык богов", удивительным образом совпадают с лингвистическими признаками глоссолалии. Прежде всего нужно отметить, что результаты исследований глоссолалии в различных религиозных группах позволили выявить ряд общих особенностей этой формы речи, которые являются кросс-культурными и независимыми от естественного языка, который используется данной группой. Так Goodman, после проведенных обширных полевых исследований, констатирует: "In summary, we can say that while both the ordinary-language and the glossolalia utterance represent an audio signal, the glossolalia utterance exhibits important agreements across seven cultural settings and with the background of four different languages" (1972: 121). Таким образом, наряду с чертами, обусловленными влиянием субстрата конкретного естественного языка (который, очевидно, в наибольшей степени сказывается в фонетическом составе глоссолалии, использующем набор фонем данного языка), выделяется ряд черт, независимых от конкретного языка, которые позволяют говорить о глоссолалии вообще, а не об ориентированной на определенный язык.

Выделенные Goodman общие черты касаются в основном просодической структуры глоссолалических высказываний. Она констатирует абсолютное преобладание открытых слогов типа CV, наличие акцентной системы ударений с хореическим ритмом, деление высказываний на фразы одинаковой длины (Ibid.: 121–122). В дополнение к этим просодическим чертам Коновалов, которого можно назвать пионером научного исследования глоссолалии,⁷ указывает, что отличительным принципом построения глоссолалических высказываний являются звуковые повторения, которые в психиатрической литературе носят название *вербигерация* – повторение тех же самых фраз или звуков (см. Ivask 1976: 102).

Сходные просодические и структурные особенности прослеживаются еще в одном виде текстов, которые в настоящее время не воспринимаются как религиозно-мистические, но вероятно генетически к ним восходят. Здесь имеются в виду детские считалки, точнее их определенная часть, где также используется нереференциальный *pseudo-language*. В разных куль-

турах они обнаруживают те же просодические и структурные признаки, что и перечисленные особенности глоссолалии. Так, Лекомцева на материале латышских считалок также констатирует, что "удельный вес слогов вида CV значительно превышает вес слогов других типов" (1987: 97). Следующий пример обнаруживает также и звуковые повторения, и хореический метр с весьма характерной редукцией безударных слогов и заменой их паузами в заключительной строке, что в записи Лекомцевой выражено через запятые:

Anna vanna tatanija
Sija vija komanija,
Zala raka tika taka
A, ve, van.

(Ibid.: 96)

Пример детской считалки из другой культурной и языковой традиции, обнаруживает те же характеристики:

Inty, ninty tibbety fig
Deema dima doma nig
Howchy powchy domi nowday
hom tom tout

.....

(Abrahams, 1969: 254, цит. по: Kirshenblatt-Gimblett 1976: 92–93)

Эта разительная общность структуры является лишним доводом в пользу гипотезы, согласно которой тот тип считалок, в которых используется нереференциальная речь, ведет свое происхождение от заклинаний и других форм религиозно-мистической речи.⁸ Очевидно, в результате христианизации и общей рационализации форм поведения в современной культуре подобные типы речевой деятельности подверглись давлению и были вытеснены на периферию, в область детской речи, однако потеряв свою функцию, им удалось сохранить свои структурные особенности.⁹

Кроме этих просодических и структурных особенностей хочется остановиться еще на одной черте глоссолалических форм речи, которая на этот раз касается фонетического состава употребляемых высказываний. Jakobson; Waugh (1979: 213–214) дают развернутую характеристику этому явлению:

The "strange tongue" ... of the ecstatic prophecies revealed not only salient, tangible uniformities, but also curious similarities with the abstruse vocables of children's "game preludes" and of charms, in particular ... clusters such as *n + t* or *d*, alone or followed by *r*. We can

also compare the Khlysty texts of the eighteenth century with the American Pentecostal glossolalia of our time. In the prayer of a Presbyterian minister which consists of 28 "sentences" or "breath-groups" (Samarin 1972: 77f.), we observe 40 *ndr* and 30 *ntr* clusters, plus 11 *nd* and *nt*... This international inclination toward combinations of *n* with *d* or *t*, which perhaps can be interpreted as prenasalized stops..., is astonishing indeed.

Этой фонетической особенности глоссолалии и сходных форм речи также можно найти разительные параллели в творчестве Хлебникова. В другой своей работе Якобсон останавливается на следующей непонятной, но ясно ощутимой особенности звукового состава хлебниковских стихов:

Сопоставление аффрикаты *ч* с основными согласными нашло себе обширное место в творческих опытах Хлебникова... Особенно обильны схожими стыками согласных заумные строки Хлебникова. Именно таков звуковой состав речей, влагаемых автором сверхповести *Зангези* в уста разноплеменных богов. Так, Велесу приписана реплика „печь, пань, пеньч“, а Эроту – „эмч, амч, умч! думчи, дамчи, домчи“. Боги летят, восклицая: „юнчи, энчи, ук!“ [III, 320 и 339] (Jakobson 1981: 574).

Хотя Якобсон и не ставит в соответствие отмеченную им повышенную частотность комбинаций *n/m+ч* в заумных стихах Хлебникова и *n+m/d* в глоссолалии, по всей видимости будет оправданным провести здесь параллели и рассматривать эти комбинации как различные проявления стоящей за ними инвариантной структуры. В самом деле, во всех этих случаях речь идет о сочетании носового согласного (*n* и *m*) и следующего за ним переднеязычного смычного (*m*, *d*) или весьма близкой к ним по фонетическим характеристикам аффрикаты (*ч*). Таким образом, хлебниковская заумь обнаруживает связь с глоссолалией и в отношении некоторых фонетических характеристик.

Подведем некоторые итоги. Анализ лингвистической структуры глоссолалии и других форм речевой деятельности религиозно-мистического характера показывает, что она имеет ряд общих черт с заумными поэтическими произведениями, в частности, с "языком богов" Хлебникова. Наиболее характерную общность, которая, так сказать, видна невооруженным глазом, можно определить негативно по отношению к естественному языку: обе эти формы речевого поведения отрицают существующий языковой код и используют вместо него *pseudo-language* (Samarin 1969: 71), фонетические последовательности, не соотносящиеся со смыслонесущими элементами естественного языка и не обладающие референциальным значением. Наряду с этим образцы глоссолалии, относящиеся к различным эпохам и культурам, а также генетически к ним восходящие формы дет-

ской речи (считалки) и некоторые заумные тексты обнаруживают ряд параллелей в том, что касается их просодических, фонетических и структурных особенностей:

– подавляющее большинство слогов являются открытыми и имеют вид CV

– звуковые последовательности организованы ритмически с преобладанием хорей

– звуковые последовательности делятся на фразы одинаковой длины

– наличие частых повторений слогов или целых фраз

– повышенная частотность комбинаций согласных $n/m+d/m/ч$.

Выделить указанные особенности оказывается проще, чем дать им объяснение. Прежде всего удивление вызывает значительная общность глоссолалии в различных культурных окружениях. Можно высказать предположение, что причина этого факта каким-то образом связана с тем измененным состоянием сознания, который обычно является условием порождения глоссолалических высказываний. Характерной чертой измененных состояний сознания является полное или частичное отключение контроля сознания, которое в значительной степени зависимо от каждого конкретного языка и культуры, и активное влияние на поведение находящегося в этом состоянии человека более глубоких, субкортикальных отделов мозга, деятельность которых во многом определяется психофизиологическими универсалиями, одинаковыми для всех людей. К схожей гипотезе приходит Goodman после проведенных ею обширных полевых исследований глоссолалии: "In some manner, the glossolalist switches off cortical control. Then, with considerable effort, at least initially, he establishes a connection between his speech center and some subcortical structure, which then proceeds to drive the former. Thereupon the vocalization behavior becomes an audible manifestation of the rhythmical discharges of this subcortical structure"(1972: 124).

Если отвлечься от тех функций, которые выполняет глоссолалия в употребляющей ее культуре (они определяются в основном религиозными представлениями данной группы) и обратиться к ее психофизиологическому воздействию, то важнейшая функция речевого поведения при глоссолалии по всей видимости будет состоять во введении и поддержании человека в измененном состоянии сознания. Вероятно, не будет ошибкой искать именно в функциональном назначении глоссолалии объяснение особенностям ее структуры. Из психофизиологии известно, что одним из важнейших средств торможения кортикальных отделов мозга и снижения сознательного контроля являются ритмические раздражители. При внимательном рассмотрении отмеченных выше характеристик глоссолалических высказываний оказывается, что все они так или иначе направлены на оказание ритмических воздействий. Так, хорейный размер представляет

собою ритмическое чередование ударений по наиболее простому образцу: напряжение-расслабление. Такой простой ритмический рисунок представляется и наиболее эффективным в плане оказания вводящего в измененное состояние воздействия (он также имеет свои соответствия и в сфере физиологии – работа сердца и т.д.). Частным случаем ритмически повторяющегося напряжения/расслабления можно считать и открытые слоги типа CV: за напряжением органов артикуляции, произносящих консонант, следует их расслабление при произнесении гласного звука. Частые повторы определенных слогов и фраз также являются одним из средств оказания ритмического воздействия – Jakobson и Waugh отмечают их гипнотическое воздействие (1979: 214). В отношении сочетаний согласных *нт*, *нч* и т.д. также можно высказать предположение, что их частое употребление обусловлено артикуляционными особенностями – непрерывный сонорный носовой звук обрывается смычкой, опять же образуя ритмический такт из двух разнородных элементов. Интересно отметить, что тот же ритмический рисунок, основанный на контрастных артикуляционных свойствах соседствующих звуков, прослеживается и в священном буддийском слове *ом*, который широко употребляется во вводящих гипнотическое состояние мантрах. Таким образом, особенности глоссолалических форм речи могут быть объяснены исходя из их функции: их структурные особенности максимально подчинены цели оказания ритмического воздействия.

Другой интересный момент, ждущий своего объяснения – многочисленные соответствия глоссолалии и зауми, в особенности "языка богов" Хлебникова. Подчеркнем, что здесь идет речь не об использовании Хлебниковым имеющихся глоссолалических образцов, а о генерировании им новых текстов, которые, однако, обладают схожей структурой. Как уже отмечалось, глоссолалия обычно продуцируется в особом психическом состоянии. Напрашивается мысль о том, что Хлебников в моменты творчества мог вызывать в себе это состояние, при помощи автоиндукции или пользуясь определенными внешними воздействиями. В пользу этой гипотезы высказывается Vroon (1982), который, ссылаясь на такие произведения, как *Утес из будущего* (IV: 296–99) и *Курильщик ширры* (V: 34–35) утверждает, что "there is some evidence that Xlebnikov developed a fondness for cannabis around this period" (592). Другим интересным свидетельством вхождения Хлебниковым в особое состояние в момент творчества, где он, кстати, останавливается на воздействии комбинации согласных *нч*, является его описание, данное в *Своиси*:

Во время написания заумные слова умирающего Эхнатена "манч, манч!" из "Ка" вызывали почти боль; я не мог их читать,

видя молнию между собой и ими; теперь они для меня ничто.
Отчего – я сам не знаю (П: 9).¹⁰

Таким образом можно предположить, что значительная общность структурных особенностей между различными формами глоссолалии и некоторыми образцами заумной поэзии оказывается обусловлен тем измененным состоянием сознания, в котором находится порождающий подобные тексты субъект.¹¹

Примечания

- 1 По отношению к подобным текстам Лекомцева (1987) использует выражение "тексты с неопределенно выраженной семантикой".
- 2 И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на других языках (Деяния Святых Апостолов 2:4); ...и они стали говорить *иными* языками и пророчествовать (19:6).
- 3 В России начала века практика глоссолалии была в основном известна по деятельности хлыстов – мистической секты, возникшей в России в XVII в., широко применявшей глоссолалию (радения) в своей религиозной практике. В своем интересе к хлыстам футуристы не были исключением: на рубеже веков ими увлекалась значительная часть русской художественной интеллигенции. В частности, прямое влияние хлыстов прослеживается у Бальмонта (*Зеленый ветроград*), Андрея Белого (*Серебряный голубь*) и др., а Зинаида Гиппиус и Николай Клюев даже сами входили в хлыстовскую общину (см. Ivask 1976).
- 4 Так, Крученых уже в 1913 г. указывает на сходство зауми с глоссолалией, цитируя заумные распевы сектанта Шишкова (Марков 1967: 67). Хлебников прямо утверждает тождество между языком заговоров и заклинаний и заумью: "...заговоры и заклинания так называемой волшебной речи, священный язык язычества, эти „шагадам, магадам, выгадам, пиц, пац, пацу“ – суть вереницы набора слогов, в котором рассудок не может дать себе отчета, и является как бы заумным языком в народном слове... То, что в заклинаниях, заговорах заумный язык господствует и вытесняет разумный, доказывает, что у него особая власть над сознанием, особые права на жизнь наряду с разумным" (V: 225, 235). Сходство языка заумной поэзии и глоссолалии не раз отмечалось и в теоретических работах формалистов (Шкловский 1919: 22–23; Якубинский 1986: 195).
- 5 Лекомцева, анализируя употребление текстов с неопределенной семантикой, отмечает, что в подобных случаях "составляющие текста с неопределенной семантикой превращаются с прагматической точки зрения в синонимы перформативов: „Кари, мала, тафа, сафа, ...“ прагматически

эквивалентно высказыванию „я говорю не на русском языке“ (1987: 101).

- 6 См. данные, приводимые в этой связи Vroon: "Native speakers of Russian (four informants) and English (four informants) were asked to read the above passages. Punctuation and stress markings were deleted to avoid contamination from these sources. All the informants read line 5 ... with an exaggerated pause between the 'words'" (1982: 584).
- 7 Вышедшая в 1908 г. книга Д.Г. Коновалова "Религиозный экстаз в русском мистическом сектанстве" служила одним из основных источников сведений о глоссолалии для футуристов и формалистов (примеры заузных распевов, которые приводят Крученых и Шкловский, по большей части заимствованы из нее). Книга Коновалова до сих пор остается одной из немногих серьезных работ по данному вопросу.
- 8 См. Bolton (1969). На "близкое родство детских песенок с образцами языкоговорения сектантов" указывает также Шкловский (1919: 24).
- 9 Сохранению основных структурных характеристик способствует повышенная устойчивость и малая подверженность вариациям, которые свойственны образцам глоссолалической речи: "Glossolalia is not productive. Once an audio signal has been internalized, it becomes stereotyped... there is little variation of sound patterns within a group arising around a particular guide" (Goodman 1972: 123).
- 10 Jakobson в этой связи вспоминает также "мигающий свет ... старшего и схожего звукового облика, каковым был пушкинский, по-своему заузный, смертоносный анчар" (1981: 575).
- 11 В этой связи интерес может представлять гипотеза о послыйном строевании языка, согласно которой в языке в латентном состоянии продолжают существовать определенные структуры, характерные для предшествующих этапов филогенетического развития. При углублении измененного состояния сознания эти архаические пласты становятся более явными и определяют характер речевого поведения субъекта: "Поскольку в условиях измененных состояний сознания высвобождаются и доступны наблюдению глубокие филогенетически древние уровни мозга, можно сделать предположение о соответствиях этому процессу и в языке" (Спивак 1985: 53).

Л и т е р а т у р а

- Коновалов, Д. 1980. *Религиозный экстаз в русском мистическом сектанстве*, Сергиев Посад.
- Лекомцева, М. 1987. "Особенности текста с неопределенно выраженной семантикой", *Труды по знаковым системам*, XXI, Тарту, 94–103.

- Марков, В. (ред.) 1967. *Манифесты и программы русских футуристов*, Мюнхен.
- Спивак, Д. 1985. "Лингвистика измененных состояний сознания: проблемы и перспективы", *Вопросы языкознания*, 1, 50–57.
- Тынянов, Ю. 1928. "О Хлебникове", В. Хлебников, *Собрание произведений*, тт. I–V, Ленинград [репр. Мюнхен 1968], 17–30.
- Хлебников, В. 1928–33. *Собрание произведений*, тт. I–V, Ленинград [репр. Мюнхен 1968].
- Шкловский, В. 1919. "О поэзии и заумной языке", *Поэтика. Сборник по теории поэтического языка*, вып. 3, Петроград, 13–26.
- Якубинский, Л. 1986. "Откуда берутся стихи", *Избранные работы*, Москва, 194–196.
- Янгфельдт, Б. 1991. "Роман Якобсон, заумь и дада", Л. Магаротто и др. (ред.) *Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре*, Берн, 247–254.
- Abrahams, R. (Ed.) 1969. *Jump-Rope Rhymes. A Dictionary*, Austin.
- Bolton, H. 1969. *The Counting-Out Rhymes of Children: Their Antiquity, Origin and Wide Distribution*, Detroit.
- Goodman, F. 1972. *Speaking in Tongues. A Cross-Cultural Study of Glossolalia*, Chicago.
- Ivask, G. 1976. "Russian Modernist Poets and the Mystic Sectarians", G. Gibian; H. Tjalsma (Eds.) *Russian Modernism Culture and the Avant-Garde, 1900–1930*, Ithaca, 85–106.
- Jakobson, R. 1981. *Selected Writings, III*, The Hague.
- Jakobson, R., Waugh, L. 1979. *The Sound Shape of Language*, Bloomington.
- Kirshenblatt-Gimblett, B. (Ed.) 1976. *Speech Play*, Philadelphia.
- Samarin, W. 1969. "Forms and Functions of Nonsense Language", *Linguistics*, 50, 70–74.
- Samarin, W. 1972. *Tongues of Men and Angels*, New York.
- Vroon, R. 1982. "Four Analogous of Xlebnikov's Language of Gods", P. Steiner, M. Červenka, R. Vroon (Eds.) *The Structure of the Literary Process*, Amsterdam, 581–597.